

го Божественное, естественно получается, что человеческая душа объединяется с этими благами духовным путем тем скорее и тем крепче, чем эти блага являют большее совершенство; являют же они свое совершенство в зависимости от ясности или затемненности познающей души. Единение это и есть то, что мы называем любовью, благодаря которой можно познать качества души, наблюдая извне тех, кого она любит. Амор, соединяющий мою душу с этой благородной дамой, в которой я лицезрел изобилие Божественного света, и есть тот говорящий, о котором я упоминаю; ибо его речь порождала мысли, обращенные к этой даме, к достоинствам той, кто отождествилась с моей душой.

Место, в котором звучит речь, о которой я говорю, – это разум; однако, сказав, что это разум, мы не достигли еще ясности, и потому надлежит рассмотреть, что же, собственно, обозначает «разум». Философ во второй книге «О душе», различая ее способности, утверждает, что душа имеет главным образом три способности, а именно жить, чувствовать и рассуждать; он также упоминает и движение, однако последнее может быть отождествлено с чувством, ибо каждая чувствующая душа движима либо всеми своими чувствами, либо каким-нибудь одним; так что движение есть способность, объединенная с чувством. И из того, что он говорит, совершенно очевидно, что эти способности связаны друг с другом так, что одна служит основанием для другой; и та, что служит основанием, может рассматриваться сама по себе, но другая, на ней основанная, не может быть отделена от первой. Так, способность растительная, обуславливающая жизнь, служит основанием, на котором возможно чувствовать, то есть видеть, слышать, ощущать вкус и запах, а также осязать; и эта растительная способность может сама по себе быть душой, как мы это видим во всех растениях. Чувственная способность без растительной существовать не может и ни в одном неживом предмете не присутствует, и эта чувственная способность служит основанием для интеллекта, то есть для разума; а потому у одушевленных смертных разумная способность без чувственной не встречается, но чувственная без разумной встречается, как мы это видим у зверей, птиц, рыб и у всех диких животных. Душа же, несущая в себе все эти способности и наиболее совершенная из всех остальных, – душа человеческая, которая благодаря исключительности высшей своей способности – разума сопричастна Божественной природе в качестве извечного интеллекта, ибо душа в этой высшей своей способности настолько облагорожена и очищена от всякой материи, что Божественный свет сияет в ней как в ангеле; вот почему философы и называют человека Божественным животным. В этой благороднейшей части души заключены многие способности, как о том говорит Философ, в особенности в шестой книге [«Этики»]; там он утверждает, что в ней есть некая добродетель, именуемая научной, и другая, именуемая рассудительной или дающей советы, а с ними существуют и другие добродетели, как об этом в том же месте говорит Аристотель, как-то добродетель изобретательная и оценивающая. И все эти благороднейшие добродетели и другие, заключенные в высшей способности, Философ в совокупности называет тем словом, которое мы и собирались определить, а именно разумом. Отсюда явствует, что под разумом понимается эта высшая и благороднейшая часть души.

То, что это – сознание, совершенно очевидно; в самом деле, можно говорить лишь о разуме человека и Божественных существ, как это ясно видно из Боеция, который приписывает его людям, когда он говорит, обращаясь к Философии: «Ты и Бог, вложивший тебя в ум людей», и далее приписывает его Богу там, где он к Нему обращается со словами: «Ты все всегда создаешь по верховному образцу, о Ты, прекраснейший, несущий в уме Своем всю красоту мира». Никто никогда не упоминал о разуме дикого зверя, и, видимо, невозможно и не должно приписывать его также и многим людям, явно лишенным этой совершеннейшей способности; а потому таких-то и называют в языке «безумными» и «сумасшедшими», то есть лишенными разума. Таким образом, возможно уяснить себе, что есть разум: это та тонкая и драгоценнейшая часть души, которая Божественна. И это то место, где, по моим словам, Амор рассуждает со мной о моей госпоже.

III.

Не без причины говорю я, что эта любовь действует в моем уме; однако это говорится и на разумном основании, чтобы дать понять, какова эта любовь, принимая во внимание то место, где